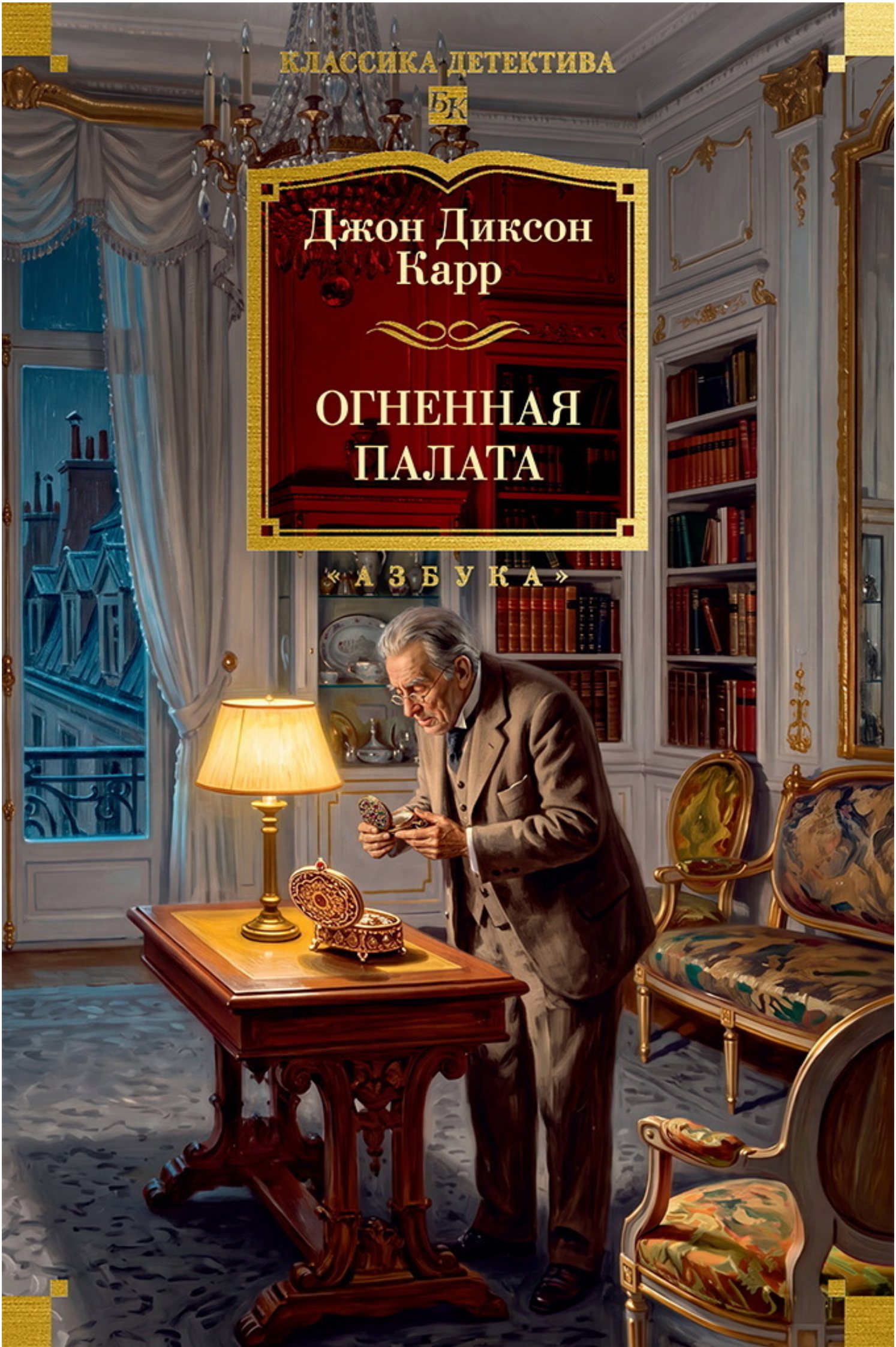
КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон Карр

ОГНЕННАЯ ПАЛАТА

«АЗБУКА»

Классика детектива. Большие книги

Джон Карр

Огненная палата

«Азбука»
1937

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Огненная палата / Д. Д. Карр — «Азбука», 1937 — (Классика детектива. Большие книги)

ISBN 978-5-389-35821-8

Золотой век детектива оставил немало звездных имен – Агата Кристи, Гилберт Честертон, Гастон Леру и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. Убийство «в запертой комнате», где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, – излюбленный прием автора. Карр заманивает читателя в сети ловко расставленных ловушек, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в хитроумных расследованиях. «Огненная палата» – детектив на грани мистики, отсылающий к особому трибуналу Людовика XIV, который расследовал дела об отравлениях и колдовстве. Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35821-8

© Карр Д. Д., 1937
© Азбука, 1937

Содержание

Часть первая 6
Глава первая 6
Глава вторая 12
Глава третья 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Джон Диксон Карр
Огненная палата

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Серия «Классика детектива. Большие книги»

John Dickson Carr
THE BURNING COURT
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1937
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved
© Н. К. Нестерова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Перевод с английского *Наталии Нестеровой*

© Н. К. Нестерова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Часть первая
Обвинительный акт

Мы славно отужинали и поздно легли спать. Рассказ сэра Уильяма о том, как его предшественник, старый Эджборроу, умер в моей комнате и как его дух теперь появляется там, немного напугал меня, но не настолько сильно, насколько я потехи ради притворился.
Сэмюэл Пипс, 8 апреля 1661 года

Глава первая

«Жил бедный человек вблизи кладбища…»[1] – интригующее начало истории, так и оставшейся незаконченной. Эдвард Стивенс тоже жил вблизи кладбища в самом что ни на есть прямом смысле слова. Неподалеку от его жилища располагался маленький церковный двор с кладбищем. И хотя поместье Деспард-Парк имело репутацию места весьма странного, кладбище это не привлекало к себе особого внимания.

Эдвард Стивенс, самый обыкновенный человек вроде нас с вами, ехал в вагоне для курящих в поезде, который должен был прибыть на станцию Брод-стрит в 18:48. В свои тридцать два года он занимал достаточно значимую должность в редакционном отделе издательского дома «Геральд и сыновья» на Четвертой авеню. Стивенс снимал квартиру в районе Семидесятых улиц Верхнего Ист-Сайда и владел небольшим коттеджем в Криспене, пригороде Филадельфии, где часто проводил уик-энды, поскольку они с женой обожали природу. Тем вечером в пятницу (далекой весной 1929 года) он как раз ехал к Мэри и вез в своем портфеле рукопись новой книги Годана Кросса о громких судебных процессах по делам об убийствах. Таковы сухие факты. Теперь Стивенс и сам признает, что намного легче оперировать фактами, которые можно систематизировать и упорядочивать.

Стоит также подчеркнуть, что в тот день, а точнее, в тот вечер не произошло ничего необычного. Да и сам Стивенс не совершал никаких незаурядных поступков, он просто возвращался домой и был вполне счастлив как человек, у которого есть профессия, жена и жизнь, полностью его устраивавшая.

Поезд прибыл на станцию Брод-стрит точно по расписанию. Стивенс прогулялся по станции, разминая ноги, и увидел на информационном табло, что экспресс до Криспена с первой остановкой в Ардморе уходит через семь минут. Примерно полчаса спустя он должен прибыть в Криспен, следующую после Хаверфорда остановку. Никто так до сих пор и не понял, зачем вообще понадобилось строить отдельную станцию между Хаверфордом и Брин-Мауром. Крошечный поселок состоял всего из полдюжины домов, разбросанных по склону холма в отдалении друг от друга. Тем не менее здесь имелась своя почта, аптека и кафе, скрытое в тени раскидистых буков в том самом месте, где Кингс-авеню огибала Деспард-Парк. Все это делало Криспен относительно самостоятельным поселением. Было там даже свое похоронное бюро, хотя его присутствие имело скорее символическое значение.

Стивенса всегда удивляло и озадачивало наличие в Криспене этого заведения. Ему не давало покоя любопытство, почему оно здесь появилось и кто его владелец. На окнах виднелась надпись «Дж. Аткинсон», скромная и неприметная, как на визитной карточке. И ни разу за окнами не мелькнул чей-нибудь силуэт, никакого движения, только виднелись два неболь-

[1] *Шекспир У.* Зимняя сказка (акт II, сцена I.; перевод В. Левика). – *Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных случаев.*

ших бесформенных куска мрамора, вероятно что-то вроде горшков для цветов, да короткие занавески из черного бархата свисали с медных колечек. Разумеется, никто и не ожидал, что похоронное бюро развернет бурную деятельность и толпы страждущих клиентов начнут осаждать его двери. И все же по традиции гробовщики всегда считались людьми веселыми, однако Стивенс ни разу не видел Дж. Аткинсона. И у него даже родилась идея для детективного рассказа. По его замыслу, сюжет строился вокруг истории маньяка-убийцы, который работал гробовщиком, и это объясняло, почему в его конторе всегда находилось несколько мертвых тел.

Но не исключено, что Дж. Аткинсон лишь ненадолго приезжал сюда, чтобы устроить похороны старого Майлза Деспарда…

Единственная причина существования Криспена была связана с Деспард-Парком. Криспен получил свое название от фамилии одного из четырех комиссионеров, которых в 1681 году отправили найти место для строительства города на территории недавно созданной колонии Пенсильвания, а затем явился и сам Уильям Пенн[2], чтобы заключить мир с людьми, населявшими обширные леса между реками Скулкилл и Делавэр. Уильям Криспен, дальний родственник Пенна, умер во время этого путешествия. А его кузен Деспард (по утверждению Марка Деспарда, это имя имело французское происхождение и претерпело значительные изменения в плане произношения) получил большой участок земли, где и построили поместье с парком. Старый Майлз Деспард, почтенный глава семейства, отличавшийся распутным образом жизни, умер менее двух недель назад.

Ожидая поезда, Стивенс размышлял, заглянет ли к ним сегодня Марк Деспард, ставший теперь новым главой семьи. Прежде он частенько приходил в их дом поболтать. Коттедж Стивенса находился неподалеку от главных ворот, ведущих в парк, и Стивенс с Деспардом дружили уже около двух лет. Однако Стивенс полагал, что Марк или Люси, жена Марка, вряд ли их сегодня навестят. Нельзя сказать, что родные сильно горевали по старику Майлзу. Он скончался от гастроэнтерита, угробив свой желудок сорока годами излишеств. Бóльшую часть жизни Майлз провел за границей и почти не общался с родственниками. Тем не менее после его смерти у них появилось много забот. Старик Майлз никогда не был женат. Марк, Эдит и Огден Деспард являлись детьми его младшего брата. Стивенс с равнодушием отметил, что каждому из них предстояло получить внушительное наследство.

Ворота на платформу с грохотом открылись. Стивенс сел в поезд и перешел в вагон для курящих. Весенний вечер из серого стал черным. Но даже в пыльном воздухе на станции или в душном воздухе в вагоне, освещенном тусклыми лампами на потолке, ощущалась та весенняя свежесть, которая особенно будоражит кровь, когда вы оказываетесь за городом. Мыслями Стивенс перенесся к Мэри, которая всегда встречала его в Криспене на автомобиле. Вагон оказался заполненным лишь наполовину. В нем царила привычная полусонная атмосфера: пассажиры шелестели толстыми газетами, а их плечи окутывал сигаретный дым. Стивенс положил портфель себе на колени. С ленивым любопытством довольного жизнью человека он принялся размышлять о двух весьма занимательных событиях, которые не выходили у него из головы весь день. Характерно, что он даже не пытался полностью в них разобраться, просто старался придумать им подходящие, но вместе с тем интересные объяснения.

Какие же именно? Ну, например, в своем портфеле он вез рукопись новой книги Годана Кросса. Стивенсу не терпелось поскорее прочитать ее. Писательский талант Годана Кросса – как ни странно, это было его настоящее имя – открыл Морли, главный редактор издательства. Кросс жил затворником и посвятил себя написанию книг о расследовании убийств, произошедших в действительности. Он настолько живо описывал происходящее, словно сам являлся очевидцем тех событий. Его изобретательность в ведении репортажей о том, чего он сам не видел, казалась поистине дьявольской и нередко вводила в заблуждение. Один известный судья как-

[2] *Уильям Пенн* – один из ранних английских колонизаторов Северной Америки, основатель Филадельфии.

то раз неосмотрительно заметил, что человек, описавший подобным образом дело Нила Крима в книге «Господа присяжные», без сомнения, сам присутствовал тогда в зале суда. «Поскольку суд над Кримом состоялся в 1892 году, а мистеру Кроссу сейчас около сорока, его можно смело назвать не по годам одаренным ребенком!» – писала «Нью-Йорк таймс». Впрочем, такая реклама очень неплохо сказалась на продажах книги.

И все же популярность Кросса зависела не столько от его стиля, сколько от умения находить материл. Для каждой книги он выбирал одно или два знаменитых дела. Но основное свое внимание сосредоточивал на рассказе об эффектных преступлениях, про которые мало кто слышал. В свое время они, без сомнения, поражали умы людей, но современным читателям были совершенно в новинку. Несмотря на фотографии и документальные свидетельства, некоторые факты оказывались настолько поразительными, что один критик даже обвинил автора в создании искусной мистификации. После очередной шумихи в прессе, опять же послужившей неплохой рекламой, Кросс сумел доказать, что ничего не выдумывал. В данном случае речь шла о зверских злодеяниях в Брюсселе в восемнадцатом веке, и сомневающийся критик получил в качестве доказательства гневное письмо от бургомистра Брюсселя, гордившегося местным чудовищем. Таким образом, Годан Кросс пускай пока и не стал автором главного национального бестселлера или лучшей книги года, зато «Геральд» включила его в свой список изданий, рекомендованных к прочтению.

В ту пятницу главный редактор вызвал Стивенса к себе. Морли сидел в своем тихом кабинете, пол которого был выстлан мягким ковром, и с интересом взирал на аккуратную стопку бумаги в кожаной папке.

– Это новая книга Кросса, – сказал он. – Посмотрите ее на выходных? Хочу, чтобы вы рассказали о ней на майском совещании по продажам. Вы же любите такие вещи.

– Вы уже читали ее?

– Да, – ответил Морли и вдруг запнулся. – Можно сказать, что это его лучшая книга. – Он снова немного замялся. – Название, разумеется, придется поменять. Слишком длинное, к тому же всякие термины не лучшим образом сказываются на продажах, но этим мы займемся позже. Она о женщинах-отравительницах и написана весьма увлекательно.

– Замечательно! – искренне произнес Стивенс.

Морли обвел взглядом комнату, вид у него по-прежнему был немного рассеянным и озадаченным. Судя по всему, его что-то беспокоило.

– Вы когда-нибудь встречались с Кроссом? – спросил он.

– Нет. Кажется, видел пару раз в редакции, но только мельком, – ответил Стивенс, вспоминая широкую спину писателя, исчезающую за углом или скрывающуюся за дверью.

– Что ж… человек он незаурядный. По крайней мере, в отношении того, что касается его контрактов. В каждый он требует включать один и тот же пункт. И этот пункт точно не назовешь обычным. Остальное его мало волнует. Я даже не удивлюсь, если он вообще не читает контракт, кроме этого пункта. А условие у него следующее: он хочет, чтобы на задней сторонке обложки каждой книги непременно присутствовала его большая фотография.

Стивенс только хмыкнул в ответ. В книжном шкафу Морли книги Кросса с яркими обложками занимали целую полку. Он взял экземпляр «Господ присяжных» и перевернул его.

– Так вот в чем была причина, – заметил Стивенс. – А я все никак не мог понять. Но похоже, никто не упоминал об этом. Никакой биографической справки, только большая фотография и под ней – имя. А это ведь его самая первая книга! – Он внимательно изучил фотографию. – Лицо волевое, не лишенное интеллекта, можно даже сказать приятное. Но неужели он так гордится своей внешностью, что готов ее повсюду рекламировать?..

Морли покачал головой, неподвижно сидя в своем кресле:

– Нет. Дело не в этом. Он не из тех, кто стремится к публичности. Ничего подобного. Причина в чем-то другом. – Он снова с любопытством посмотрел на Стивенса, а затем взял что-

то со стола. – Не важно! Заберите рукопись. Но обращайтесь с ней аккуратно. Там прикреплены фотографии. И да… в понедельник утром первым делом загляните ко мне.

На этом небрежно брошенном замечании их беседа закончилась, и Стивенс покинул кабинет. Теперь, пока поезд ехал через Западную Филадельфию, он приоткрыл свой портфель и посмотрел на лежавшую там рукопись. Но доставать ее не стал и предпочел сосредоточиться на ленивом размышлении о тех загадках, которые все никак не давали ему покоя.

И если эта история с Годаном Кроссом казалась ему совершенно непонятной и неважной, то все, касавшееся Майлза Деспарда, имело для Стивенса еще меньшее значение. И все же он мысленно перенесся в Деспард-Парк, в старинный дом из серого камня посреди буковой рощи и садов, пробуждавшихся теперь от зимнего сна. Стивенс вспомнил и старика Майлза, как прошлым летом тот прогуливался по саду в низине за домом. «Старик» Майлз был не так уж и стар, в мир иной он отошел в возрасте пятидесяти шести лет. Но его чопорная манера держать себя, тощая шея, торчавшая из белоснежного воротничка сорочки, закрученные седые усы и какая-то веселая отрешенность в поведении значительно прибавляли ему возраста. Тем солнечным теплым днем Майлз поприветствовал Стивенса, приподняв свою щегольскую шляпу, но его глаза тогда выглядели воспаленными и встревоженными.

Смерть от гастроэнтерита нельзя назвать легкой. Майлз Деспард вернулся после скитаний по свету домой, где его ждала долгая мучительная болезнь, которую он принял со стоицизмом, чем заслужил большое восхищение своей поварихи. Миссис Хендерсон хотя и работала поварихой, но выполняла также обязанности экономки и прослыла настоящим тираном. Она утверждала, что иногда хозяин кричал от боли, однако случалось это нечасто. Его похоронили в склепе под семейной часовней, где девять поколений Деспардов лежали в ряд, словно старинные книги на полках, после этого каменную плиту, закрывавшую вход в склеп, снова установили на место. Но одна деталь произвела на миссис Хендерсон особенно сильное впечатление. Она заметила, что перед смертью Майлз Деспард сжимал в руке обрывок шнурка с девятью маленькими узелками, находившимися на одинаковом друг от друга расстоянии. Этот шнурок нашли потом у него под подушкой.

– Мне показалось, что это так мило, – делилась миссис Хендерсон с поварихой Стивенсов. – Наверное, для него это что-то вроде четок. Правда, в его семье не было католиков, но все равно это очень мило.

А затем случилось происшествие, вызвавшее у миссис Хендерсон настоящую истерику, причину которой до сих пор никто не смог выяснить. Марк Деспард, племянник покойного, рассказал об этом событии Стивенсу со смехом, за которым, однако, скрывалось явное раздражение.

После смерти Майлза Стивенс видел Марка лишь однажды. Старик умер ночью двенадцатого апреля, в среду. Стивенсы хорошо запомнили дату, так как ту ночь провели в Криспене, что было для них весьма необычно, – как правило, они приезжали в коттедж только на уик-энды. Утром Стивенс с Мэри отправились на автомобиле в Нью-Йорк и о трагедии узнали лишь из газет. Вернувшись в Криспен пятнадцатого апреля, они выразили соболезнования семье покойного, но на похоронах не присутствовали, так как Мэри страшно боялась смерти и вида покойников. Вечером после похорон Стивенс повстречал Марка, гулявшего по темной и пустынной Кингс-авеню.

– У нашей миссис Хендерсон, – внезапно сказал Марк, – начались видения.

Вечер выдался влажным и ветреным, а на деревьях в лесу, через который Кингс-авеню вела к Десмонд-Парку, только начали раскрываться почки. Тем не менее при этих словах огромные деревья как будто задрожали и сомкнулись над головой Марка, а тени сгустились. В свете уличного фонаря лицо Марка с крючковатым носом выглядело бледным и взволнованным; он прислонился к фонарному столбу и спрятал руки в карманы.

– У нашей миссис Хендерсон, – повторил он, – начались видения. Я точно не знаю, что ей там привиделось, от нее ничего не удается добиться, кроме намеков и молитв. Но, судя по всему, в ту ночь, когда умер дядя Майлз, в его комнате находилась какая-то женщина. И она разговаривала с ним.

– Женщина?

– Нет, это совсем не то, о чем ты подумал, – строго заявил Марк. – Я хочу сказать, что та женщина, причем, по утверждению миссис Хендерсон, одета она была в «странное старинное платье», находилась в комнате дяди и разговаривала с ним. Разумеется, такое вполне могло произойти. Как раз тем вечером мы с Люси и Эдит ездили в Сент-Дэвидс на бал-маскарад. Люси нарядилась мадам де Монтеспан, фавориткой Людовика Четырнадцатого. Эдит была в чепце и кринолине и, кажется, изображала Флоренс Найтингейл. Так что я находился под надежной защитой моей жены, знаменитой куртизанки, и моей сестры, знаменитой сестры милосердия… И все же, – добавил он с хмурым видом, – это маловероятно. Ты ведь почти не знал Майлза, так? Старый черт бывал очень обходительным. Постоянно сидел у себя в комнате и никого туда не впускал, даже есть предпочитал у себя, но при этом, знаешь ли, вел себя всегда учтиво. Когда он заболел, я, разумеется, нанял опытную сиделку. Тогда он разбушевался не на шутку, хотя и сделал это очень вежливо. Мы поселили сиделку в соседней комнате, и нам пришлось придумывать множество ухищрений, чтобы дядя не запирал дверь между комнатами и не перекрывал сиделке доступ в свою спальню… Поэтому та женщина в «странном старинном платье», которую якобы видела миссис Хендерсон, вряд ли могла там очутиться…

Стивенс не мог понять, что так сильно встревожило Марка.

– Знаешь, я ничего странного тут не вижу, – сказал он. – Ты спрашивал об этом у Люси и Эдит? И если в комнату никого не пускали, как миссис Хендерсон смогла увидеть женщину?

– Миссис Хендерсон утверждает, что видела ее через окно, которое Майлз всегда закрывал портьерами. Это окно застекленной веранды. Нет, Люси и Эдит я ничего не говорил. – Он замялся, а затем громко рассмеялся. – Да и зачем? Послушай, меня это совершенно не тревожит, и я не пытаюсь сделать из случившегося какую-то тайну. На самом деле в истории миссис Хендерсон меня удивляет другое. По ее словам, эта женщина в старинном платье – а вот теперь слушай внимательно – сначала недолго поговорила с Майлзом, а затем повернулась и вышла из комнаты через несуществующую дверь.

Стивенс внимательно посмотрел на тонкое, с крючковатым носом лицо Марка Деспарда. Оно оставалось совершенно серьезным, если в его словах и присутствовал сарказм, то совершенно неуловимый.

– Ты же не хочешь сказать, – нерешительно хмыкнув, заметил Стивенс, – что речь идет о призраках?

– Я имел в виду, – немного нахмурившись от формулировки Стивенса, ответил Марк, – дверь, которую замуровали двести лет назад. Таинственная гостья просто открыла ее и вышла. Призраки? Нет. Сомневаюсь. Наша семья прожила здесь столько лет и до сей поры не обзавелась никакими призраками. Мы для этого слишком респектабельные. Ты можешь себе представить респектабельного призрака? Он станет гордостью семьи, но оскорблением для гостей. Нет, скорее всего, у миссис Хендерсон просто не в порядке с головой. – Он внезапно замолчал и пошел по улице прочь.

Это случилось неделю назад, и, пока поезд мчался в Криспен, Стивенс немного рассеянно размышлял над фрагментами головоломки. Просто вспоминал отдельные события: его разговор с Морли, встречу с Марком Деспардом на дороге – и думал даже не о том, как все это объяснить, а как все это объединить в рассказ. Пусть между этими событиями связи было не больше, чем между отдельными заметками в газете. Но все же кое-что общее прослеживалось: писатель-отшельник Годан Кросс, страстно желавший видеть свою фотографию на обложках написанных им книг; миллионер-отшельник Майлз Деспард, который умер от желудочного

воспаления и под подушкой которого был найден обрывок шнурка с девятью узелками. И наконец, женщина в старинных одеждах (какой именно эпохи, так и осталось неясным), которая якобы вышла из комнаты через проход, замурованный двести лет назад. Интересно, какой узор смог бы сплести опытный рассказчик из этих разрозненных фактов и домыслов?

Стивенсу так и не удалось ничего придумать. Но личность Кросса по-прежнему вызывала у него любопытство, и он вытащил папку с рукописью. Она оказалась довольно объемной и, по его подсчетам, содержала не меньше ста тысяч слов. Как и все предыдущие рукописи Кросса, она была очень аккуратно оформлена: разделена на главы, скрепленные латунными зажимами, фотографии и рисунки присоединялись к листам скрепками. Пробежав глазами содержание, Стивенс посмотрел на название первой главы, но вовсе не оно заставило его выпустить рукопись из рук, так что та едва не соскользнула с его коленей.

К странице была прикреплена старая, однако достаточно четкая фотография женщины. Внизу имелась подпись, отпечатанная маленькими, но аккуратными буквами:

Мари д'Обрэ, гильотинирована за убийство в 1861 году.

Перед ним оказалась фотография его жены.

Глава вторая

Какое-то время Стивенс сидел тихо, внимательно изучая имя, рассматривая лицо на фотокарточке, все это время лишь смутно осознавая, что по-прежнему находится в вагоне для курящих, на часах 19:35, а поезд направляется в Криспен. Он ощущал себя так, будто оказался в полнейшем вакууме.

Наконец он все же поднял взгляд, разместил рукопись поудобнее у себя на коленях и взглянул в окно. Чувствовал он себя, как бы банально это ни звучало, словно в кресле дантиста после удаления зуба: легкое головокружение, пульс чуть быстрее обычного, но в остальном – все как обычно. Он даже не мог сказать, что испытал сильное потрясение. В окно Стивенс увидел, что они проехали Овербрук, колеса глухо стучали, свет от уличных фонарей падал на тротуары.

О совпадении или ошибке не могло быть и речи. Это было ее имя: Мари д'Обрэ. И лицо в точности как у нее, даже выражение то же самое. Женщина на фотографии, женщина, казненная на гильотине почти семьдесят лет назад, наверняка приходилась его жене родственницей, возможно прабабкой, если судить по датам. Но сходство казалось просто невероятным, учитывая, что внучка унаследовала даже выражение лица.

Разумеется, для него это ровным счетом ничего не значило, даже если бы на этой адской машине казнили ее отца, мать или дядю. К тому же прошло без малого семьдесят лет, и к таким давним делам мы склонны относиться с долей небрежной снисходительности, ведь к реальной жизни они имеют не больше отношения, нежели череп из папье-маше у нас на столе. Тем не менее сходство оказалось просто поразительным. Он даже разглядел крошечную родинку на подбородке и старинный браслет, который сотню раз видел на руке Мэри. И если издательство, в котором он работает, напечатает фотографию его жены на первой странице книги о знаменитых отравительницах, то это будет совсем не смешно. Так вот, возможно, что имел в виду Морли, когда попросил заглянуть к нему в понедельник утром?

Чушь какая-то! И тем не менее…

Стивенс снова перевел взгляд на фотографию и открепил ее от страницы, чтобы лучше рассмотреть. И почему он испытывал такое странное чувство, прикасаясь к ней? Неожиданно, сам того не осознавая, он вдруг ясно ощутил, что по-прежнему горячо и всем сердцем любит Мэри. Фотография была напечатана на плотном листе картона, местами на сером фоне проступали желтые пятна. На оборотной стороне штампом выбито название и адрес фотомастерской: «Perrichet et Fils, 12 rue Jean Goujean, Paris VIII»[3]. А поверх кто-то витиеватым почерком написал: «„Ma très, très chère Marie“, Louis Dinard, le 6ième Janvier, 1858»[4]. Чернила от времени выцвели и стали коричневыми. Но кто был автором этих строк? Любовник? Муж?

Однако больше всего Стивенса потрясло выражение лица Мари, в котором самым причудливым образом соединялись прошлое и настоящее. Даже такому старому постановочному фото удалось это передать. Фотография была сделана по пояс, на заднем плане виднелся фон с деревьями и голубями. Женщина стояла в неестественной позе, слишком сильно отклонившись в сторону и положив руку на маленький круглый столик, который благопристойно покрывала кружевная салфетка. Ткань ее платья напоминала тафту и поблескивала на сгибах. Глухой высокий воротник облегал шею, при этом голову она держала, слегка откинув назад.

И хотя ее темно-русые волосы были уложены иначе (пара завитушек на лбу придавала ее образу совсем уж архаичный вид), все равно они выглядели так же, как у Мэри. Женщина стояла, повернув лицо к камере, но взгляд был устремлен куда-то вдаль. Серые глаза с немного

---

[3] «Перрише и сыновья», улица Жан-Гужон, 12, Париж, VIII округ *(фр.)*.

[4] «Моей бесконечно дорогой Мари», Луи Динар, 6 января 1858 года *(фр.)*.

тяжелыми веками и большими угольно-черными зрачками смотрели с тем выражением, которое Стивенс часто называл одухотворенным. На слегка приоткрытых губах – легкая улыбка. Ее взгляд словно тайком следил за своими зрителями, как на картинах художников, хорошо владевших этим приемом. Окружающий фон с голубками, нарисованными деревьями и кружевными салфетками мог бы придать фотографии неприятный оттенок слащавости. Тем не менее ощущение от снимка было совершенно иным. Он буквально дышал жизнью. Точно в руке у Стивенса оказался объект его страстного желания, и он невольно почувствовал, как задрожало его запястье.

Взгляд снова упал на слова «гильотинирована за убийство». Женщин редко отправляли на гильотину. Если же это происходило, значит они совершили нечто настолько ужасное, что к ним невозможно было применить другую меру наказания.

«Это какая-то шутка или мистификация, – сказал себе Стивенс. – Черт возьми, это же Мэри! Кто-то решил меня разыграть».

Он пытался убедить себя в этом, но понимал, что не прав. В конце концов известны случаи, когда в потомках проявлялось поразительное сходство со своими далекими предками. И в этом факте не было ничего удивительного. И даже если ее прабабку казнили, что с того?

Они с Мэри состояли в браке уже три года, но Стивенс до сих пор мало что знал о ней и никогда не донимал вопросами. Ему только было известно, что она родилась в Канаде в таком же древнем особняке, как Деспард-Парк. Они встретились в Париже и через две недели поженились. Их встреча, довольно неожиданная и романтическая, состоялась во внутреннем дворе заброшенного городского особняка рядом с овощным рынком на улице Сент-Антуан. Стивенс даже не помнил, как называлась та улица и почему он очутился там во время своей прогулки по Старому Парижу. Эта улица называлась… Постойте! Кажется, туда Стивенсу посоветовал сходить его друг Уэлден, который преподавал английский язык в колледже, а также слыл большим знатоком судебных процессов. Три года назад Уэлден сказал ему:

– Едешь летом в Париж? Если тебя интересуют громкие преступления, обязательно посети это место.

– А что там?

– Возможно, – сказал Уэлден, – кто-нибудь из старожилов расскажет тебе кое-что занимательное. Попробуй разгадать эту головоломку сам.

Стивенс так ничего и не узнал, а впоследствии забыл спросить об этом Уэлдена. Но он встретил Мэри, которая тоже бродила по городу. По ее словам, она не знала, что это за место. Сказала, что увидела приоткрытую дверь в старинный дворик и вошла в нее. Когда Стивенс впервые увидел Мэри, она сидела на бортике неработавшего фонтана в центре заросшего сорной травой двора. С трех сторон ее окружали перила балконов и украшенные полустертыми барельефами стены. И хотя Мэри совсем не походила на француженку, Стивенс очень удивился, когда она обратилась к нему на беглом английском. А когда она улыбнулась, на смену потустороннему очарованию внезапно пришла жизнерадостная бодрость. Мэри буквально казалась воплощением здоровой красоты.

Но почему же она ничего ему не рассказала? К чему эта ненужная таинственность? Возможно, именно в этом доме в 1858 году жила Мари д'Обрэ. Вероятно, после всего случившегося семья эмигрировала в Канаду, а теперь Мэри решила посетить это семейное гнездо, где совершила свои ужасные преступления Мари-старшая. До замужества Мэри вела довольно скучную жизнь, если судить по тем редким письмам, которые она получала время от времени от своих кузенов и теток. Иногда Мэри рассказывала забавные случаи о своих родных, но Стивенс никогда не придавал им особого значения. Однако он замечал некоторые странности в высказываниях и поведении жены. Почему, например, она не выносила одного вида воронки, обычной кухонной воронки? Или вот еще…

Нет, так дело не пойдет. В эту минуту он вдруг поймал себя на мысли, что Мари д'Обрэ первая смотрит на него с фотографии с явной насмешкой, скрытой за ее потусторонней улыбкой. Почему бы ему не прочитать, что натворила первая Мари д'Обрэ? Возможно, тогда пасхальный ангелок, чья голова упала в корзину гильотины, перестанет внушать ему опасения? Зачем откладывать это дело? Он снова взял рукопись, заткнув фотографию за стопку страниц первой главы. Похоже, что талант Кросса не распространялся на умение сочинять удачные заголовки. Придумав для книги тяжеловесное название, автор пытался компенсировать это более увлекательными названиями глав. Каждая начиналась со слова «Дело…». Например, эта носила довольно шокирующее заглавие: «Дело неумершей любовницы».

Начиналась глава в привычной для Кросса манере – с места в карьер:

Мышьяк называют ядом дураков, но сложно найти для него менее подходящее название.

Такой точки зрения придерживается мистер Генри Т. Ф. Родс, редактор «Кемикал практишенер», и доктор Эдмон Локар, директор полицейской лаборатории в Лионе, полностью ее разделяет. Родс развивал свою мысль следующим образом:

«Мышьяк не является ядом дураков, а его популярность вовсе не связана с отсутствием воображения у преступников. Отравители редко бывают глупыми и лишенными фантазии. Напротив, все улики свидетельствуют об обрат-ном. Мышьяк используют при отравлениях по той причине, что он по-прежнему остается самым мало узнаваемым из ядов.

Прежде всего, врачу редко удается диагностировать отравление мышьяком, если только у него нет причин подозревать таковое. При правильно подобранной дозе симптомы будут мало отличимы от симптомов гастроэнтерита…»

Взгляд Стивенса невольно остановился на этом слове. Строчки стали расплываться у него перед глазами, а на ум вдруг пришли совершенно другие мысли. Разве можно остановить их поток? Сколько бы мы ни смеялись над собой, сколько бы ни называли себя безумными или просто рассеянными, но разве кому-нибудь из нас суждено уберечься от внезапных размышлений? Майлз Деспард умер две недели назад от гастроэнтерита. И то, о чем подумал в тот момент Стивенс, показалось ему шуткой. Совершенно не смешной шуткой…

– Добрый вечер, Стивенс, – послышался чей-то голос у него за спиной так внезапно, что он даже подскочил на месте.

Стивенс оглянулся. Поезд замедлил ход, чтобы сделать первую остановку в Ардморе. Доктор Уэлден, преподаватель из колледжа, стоял в проходе, положив руку на спинку его сиденья, и глядел вниз с выражением, отдаленно напоминавшим любопытство, на его обычно непроницаемом худом лице с высокими скулами, как у аскета. Дополняли образ резко очерченная линия подбородка, усы-ниточка и пенсне. Он почти всегда оставался серьезным, лишь иногда мог усмехнуться или громко расхохотаться, рассказывая какую-нибудь забавную историю. В такие моменты он выпучивал глаза и размахивал сигарой, которую обычно курил. Уэлден был уроженцем Новой Англии и блестящим знатоком своего дела, его отличала сдержанная, но дружелюбная манера общения. Одевался он скромно, но со вкусом и так же, как Стивенс, носил с собой портфель.

– Не знал, что ты едешь в этом поезде, – сказал он. – Как у тебя дела? Как миссис Стивенс?

– Садись, – сказал Стивенс, радуясь тому, что успел убрать фотографию с видного места. Уэлден выходил на следующей станции, но все-таки скромно присел на подлокотник сиденья. – Да, у нас все хорошо, спасибо, что спросил, – немного рассеянно добавил Стивенс. – А как твоя семья?

– Неплохо. Правда, дочка заболела гриппом, что неудивительно в такую-то погоду, – спокойно ответил Уэлден.

Пока они обменивались этими банальными фразами, Стивенс невольно задался вопросом, а что бы сказал Уэлден, если бы открыл эту рукопись и обнаружил там фотографию своей жены.

– Между прочим, – неожиданно резко начал Стивенс, – ты ведь любишь всякие громкие преступления, так вот, слышал когда-нибудь про отравительницу по имени Мари д'Обрэ?

Уэлден вытащил изо рта сигару.

– Мари д'Обрэ? Мари д'Обрэ? А! Понятно! Это же ее девичье имя. – Он развернулся к Стивенсу, и радостная улыбка появилась на его худом лице. – Кстати, я все время забываю тебя спросить…

– Ее казнили на гильотине в тысяча восемьсот шестьдесят первом году.

Уэлден замер.

– В таком случае мы с тобой имеем в виду разных особ. – Кажется, он немного не ожидал, что тема так быстро сменится с гриппа на убийство. – В тысяча восемьсот шестьдесят первом? Ты уверен?

– Да, именно так. Я просто спросил. Это новая книга Годана Кросса. Помнишь, какой поднялся шум пару лет назад, все спорили, выдумывает он факты или рассказывает правду. Мне просто стало любопытно…

– Если это говорит Кросс, значит так оно и есть, – заявил Уэлден, глядя в окно поезда, который снова стал набирать скорость. – У меня нет оснований не верить ему, но это кое-что новенькое. Та Мари д'Обрэ, о которой я подумал, больше известна под фамилией своего мужа. Можно сказать, она вошла в историю. Тебе наверняка доводилось где-нибудь читать про нее. Помнишь, я посоветовал тебе один дом в Париже?

– Это уже не важно. Продолжай.

Уэлден посмотрел на Стивенса с озадаченным видом, но не стал дальше расспрашивать его.

– Это знаменитая маркиза де Бренвилье, соблазнительная обольстительница, ставшая выдающимся образчиком очаровательной и нежной убийцы. Я читал подробности ее процесса, и они поражают воображение. В ее время слово «француз» практически считалось синонимом слова «отравитель». Людей травили так часто, что даже создали особый суд… – Он вдруг замолчал. – Почитай про шкатулку из тикового дерева, стеклянную маску и подобные вещи. Как бы там ни было, но она убила много народа, включая членов своей семьи. Различные методы она испытывала на пациентах больницы Отель-Дьё. Кажется, использовала мышьяк. Ее признания, зачитанные в суде, непременно заинтересовали бы современных психиатров. Такая занимательная иллюстрация истерии. Помимо всего прочего, там содержались ее заявления сексуального характера, причем весьма пикантные. Так что я тебя предупредил.

– Да, – сказал Стивенс, – да, теперь что-то припоминаю. В каком это было году?

– Ее обезглавили и сожгли в тысяча шестьсот семьдесят шестом году. – Уэлден встал и смахнул пепел с пальто; поезд снова стал замедлять ход. – Это моя станция. Если не найдешь более интересного занятия на выходные, звони нам. Жена просила передать тебе, что нашла рецепт торта, о котором спрашивала миссис Стивенс. Доброй ночи.

До станции Стивенса оставалось всего две минуты пути. Он машинально убрал рукопись в папку и засунул ее в портфель. Все это казалось каким-то несуразным, абсурдным. История маркизы де Бренвилье запутала его еще больше и совсем ничего не прояснила. В голове постоянно крутилась одна-единственная фраза: «При правильно подобранной дозе симптомы будут мало отличимы от симптомов гастроэнтерита».

Откуда-то из головы состава раздался призрачный голос: «Крис-пен!», послышался лязг колес, и поезд с протяжным стоном остановился. Едва Стивенс вышел на платформу и вдохнул вечерний прохладный воздух, как вся эта чепуха тут же выветрилась у него из головы. Он спустился по бетонным ступеням и вышел со станции на маленькую улочку. Там царил полумрак. Аптека находилась чуть в стороне, и свет из ее окон не попадал на улицу. Однако он узнал знакомые фары «крайслера-родстера», ожидавшего его около тротуара.

Мэри, сидевшая за рулем, открыла перед ним дверь. В то мгновение, когда он увидел жену, все сразу же изменилось. Та фотография будто наложила на него адское заклятие, которое, казалось, могло менять все, даже внешний облик. Но теперь оно исчезло, стоило лишь ему поставить ногу на подножку автомобиля, посмотреть на жену и улыбнуться. На ней была коричневая юбка и свитер того же цвета, а на плечи, словно плащ, накинуто легкое пальто. Слабый свет из витрины неподалеку падал на ее темно-русые волосы, и они отливали золотом. Мэри с удивлением посмотрела на него. И когда зазвучало ее контральто, так не сочетавшееся с хрупкой внешностью, мир вокруг снова обрел реальные очертания.

– Да что с тобой? – спросил она с раздраженным недоумением в голосе. – Чему ты улыбаешься? Прекрати! Ты что, выпи… – Она запнулась, а затем весело рассмеялась и продолжила: – Ну вот, так бессовестно напился, а я умирала от желания выпить коктейль, но ждала твоего приезда, чтобы мы могли без зазрения совести напиться вдвоем…

– Я не пил, – гордо ответил он, – ни бессовестно, ни как-либо еще. Просто задумался кое о чем. Ты… только взгляни!

Он посмотрел через плечо Мэри на источник того тусклого света, который падал на ее волосы и ярким пятном выделялся на темной улице, и вдруг замер от неожиданности. Свет горел в окнах похоронного бюро. Он заметил маленькие бесформенные куски мрамора и такие же бесформенные черные занавески, свисавшие с медных колец на железном карнизе. Свет проникал через занавески, отражаясь от карниза. Позади занавесок виднелся силуэт неподвижно стоящего человека. Кажется, он смотрел на улицу.

– Боже мой! – воскликнул Стивенс. – Наконец-то объявился Дж. Аткинсон!

– Похоже, ты и в самом деле не пил, – заметила Мэри, – но ведешь себя немного легкомысленно. Запрыгивай! Эллен приготовила на обед нечто особенное! – Она оглянулась и посмотрела на неподвижно стоящую фигуру в окне. – Аткинсон? А что с ним такое?

– Да ничего. Просто в первый раз в этой конторе вижу хоть одну живую душу. И кажется, – добавил Стивенс, – он кого-то ждет.

Мэри развернула машину, сделав по привычке широкий полукруг. Они поехали под вязами и буками по Ланкастер-хайвей и свернули во тьму, где Кингс-авеню поднималась на полмили вверх по холму к воротам парка. У Стивенса вдруг возникло ощущение, что сейчас скорее должен быть Хеллоуин, а не конец апреля. И когда они отъезжали, он был готов поклясться, что кто-то окликнул его по имени. Но после разворота Мэри начала разгоняться, и мотор заревел так громко, что Стивенс уже не мог сказать наверняка, не почудилось ли ему. Он оглянулся, однако на улице никого не оказалось, поэтому не стал ничего говорить Мэри. В ее внешнем облике не было ничего необычного, и она так искренне радовалась его приезду, что Стивенс почувствовал некоторую неуверенность в себе. Может, из-за переутомления у него начались зрительные и слуховые галлюцинации? Конечно, это полная ерунда, он же силен как бык и напрочь лишен воображения, на что не раз жаловалась Мэри.

– Как же это мило! Мило! – повторяла она. – Неужели ты ничего не чувствуешь? У ограды рядом с большим деревом расцвели крокусы. Помнишь их? А сегодня днем я видела примулы! О, это так чудесно! – Она глубоко вдохнула, расслабилась и откинула голову, затем обернулась к нему и улыбнулась. – Устал?

– Ни капельки.

– Точно?

– Я же сказал, что нет!

Она посмотрела на него с удивлением:

– Тед, милый, не надо на меня кричать! Тебе точно нужно выпить коктейль. Тед… мы ведь сегодня никуда не пойдем?

– Надеюсь, что нет. А что?

Мэри смотрела на дорогу перед собой, слегка хмуря брови.

– Видишь ли, Марк Деспард названивал весь вечер, спрашивал тебя. Хотел увидеться. Сказал, это ужасно важно, но не объяснил, в чем дело. А потом все-таки проговорился, и я поняла, что это как-то связано с его дядей Майлзом. И голос у него был такой странный.

Мэри повернулась и посмотрела на Стивенса тем одухотворенным взглядом, который он так хорошо знал. В эту минуту, когда в ее широко распахнутых глазах отражался свет проносившихся мимо уличных фонарей, а сама она неотрывно смотрела только на него, этот взгляд придал ее лицу особое неотразимое очарование.

– Тед, я не знаю, что ему было нужно, но ты ведь не станешь ему перезванивать, правда?

Глава третья

– Он звонил? – машинально вырвалось у Стивенса. – Ты же знаешь, что при возможности я всегда предпочту остаться дома. Но все зависит от того… хотел ли он поговорить о чем-то серьезном или… – Стивенс не договорил, так как сам не знал, что сказать.

Временами у него возникало ощущение, что лицо Мэри вдруг становится каким-то чужим, что она будто исчезает и перед ним остается лишь туманное видение. Без сомнения, в тот момент эта иллюзия возникла из-за колеблющегося света уличных фонарей. Мэри резко сменила тему, словно забыв про Марка Деспарда, и заговорила о чехлах для мебели, которые заказала для их нью-йоркской квартиры. Стивенс подумал, что, выпив коктейль, он обязательно вернется к этой теме, пошутит немного, а потом и вовсе забудет.

Он попытался вспомнить, читала ли его жена книги Кросса. Рукопись она наверняка видела, так как просматривала многое из того, что он приносил домой. Мэри читала много, но не особенно внимательно. Больше всего в книгах ее интересовали описания разных мест и людей. Он посмотрел на нее и заметил, что рукав ее пальто немного приподнялся, обнажив запястье с браслетом, украшенным чеканкой, с застежкой в виде головы кошки с рубином в пасти. Точно такой же он видел на той злосчастной фотографии.

– Кстати, ты читала что-нибудь из книг Кросса? – спросил он.

– Кросс? Кто это?

– Он пишет про разные убийства.

– А! Ты об этом. Нет, в отличие от некоторых, я не питаю склонности ко всяким жутким увлечениям. – Ее лицо вдруг стало серьезным. – Знаешь, я часто думаю, что твой интерес к убийствам и прочим чудовищным вещам, между прочим, то же самое касается Марка Деспарда и доктора Уэлдена… так вот, ты не находишь, что есть в этом нечто нездоровое?

Ее вопрос ошарашил Стивенса. Даже в те минуты, когда на нее нападало желание прочитать ему мораль, она никогда не говорила таким тоном. Все это казалось ему каким-то неправильным, фальшивым. Он снова посмотрел на нее и увидел, что ее мягкое округлое лицо было совершенно серьезным.

– Один влиятельный человек однажды сказал, – заметил он, – что до тех пор, пока американцы будут сохранять здоровый интерес к убийствам и адюльтерам, страна в безопасности. И если у тебя возникнет желание приобщиться к чему-нибудь жуткому, – он постучал по своему портфелю, – то здесь новая рукопись Кросса. Это книга о женщинах-отравительницах. Здесь даже есть одна Мэри.

– Правда? Ты читал?

– Только просмотрел.

Она не проявила ни малейшего любопытства, лишь сосредоточенно нахмурила брови и свернула на дорогу, ведущую к их дому. Стивенс вышел из машины, внезапно почувствовав голод и сильную усталость. Окна коттеджа, построенного в новоанглийском стиле, с белыми стенами и зелеными ставнями, сияли ярким радостным светом, проникавшим сквозь новые занавески. Пахло свежей травой и сиренью; за домом поднимался поросший лесом холм, вверх по холму, где-то в сотне ярдов от них, до конца авеню, названной в честь короля Карла II, тянулась высокая ограда Деспард-Парка.

Войдя в дом, Стивенс захотел поскорее сесть в кресло и больше с него не вставать. Справа от прихожей находилась гостиная, с диваном и креслами, обитыми красно-оранжевой тканью, на столиках стояли пузатые лампы, светлый книжный шкаф был заполнен книгами с яркими обложками, над камином висела хорошая копия картины Рембрандта. Проще говоря, дом казался совершенно обычным, мало чем отличавшимся от тысяч других таких же. Сквозь

стеклянную дверь в столовую, которая находилась прямо напротив него, Стивенс заметил толстушку Эллен, которая накрывала на стол, поскрипывая туфлями.

Мэри взяла у него шляпу и портфель и прогнала наверх умываться. Ему это только пошло на пользу. Вниз он спустился, весело насвистывая, но на последней ступеньке лестницы вдруг замер. Его портфель лежал на телефонном столике в прихожей, поблескивая серебристым замком, и он был открыт.

У Стивенса внезапно возникло неприятное ощущение, что в его собственном доме появился заговорщик, плетущий против него интриги. Он ненавидел такую неопределенность, так как сам предпочитал открытость во всем. С тяжелым чувством вины он подошел к столику и быстро просмотрел рукопись.

Фотография Мари д'Обрэ исчезла.

Не дав себе времени на раздумья, Стивенс быстро направился в гостиную и тут же ощутил, как атмосфера в комнате стала немного напряженной. Мэри, непринужденно откинувшись на спинку дивана, сидела с пустым стаканом в руке. Ее лицо немного раскраснелось, она показала пальцем на стакан, стоявший на журнальным столике:

– Ты куда-то запропастился. Выпей. Сразу станет лучше.

Пока Стивенс пил, он чувствовал, как Мэри пристально изучает его. Мысль, возникшая у него в голове, оказалась настолько неприятной, что от внезапно охватившей его досады и духа противоречия он налил себе еще один коктейль и выпил его. Затем очень аккуратно поставил стакан на место.

– Знаешь, Мэри, – сказал он, – тут творится неладное. Дом номер один по Кингс-авеню превратился в какое-то таинственное место. Не удивлюсь, если увижу, как из-за штор появляются чьи-то руки, а из шкафа выпадают трупы. И скажи мне, тебе, случайно, ничего не известно об одной особе, которая носила твое имя и в невесть какие годы потравила мышьяком кучу народа?

Мэри посмотрела на него, сосредоточенно сморщив лоб:

– Тед, что ты такое несешь? С тех пор как вернулся домой, ты ведешь себя очень странно. – Она сделала короткую паузу и вдруг рассмеялась. – Может, ты думаешь, что я отравила твой коктейль?

– Да кто тебя знает? Но если серьезно, то, как бы дико это ни звучало, скажи, ты никогда не слышала, что почти сто лет назад жила женщина, которая выглядела в точности как ты? И что эта женщина даже носила такой же браслет с головой кошки?

– Тед, что ты такое несешь?

Он заговорил более серьезным тоном:

– Мэри, послушай меня. Давай обойдемся без всяких тайн. Все это совершенно не важно, и не стоит переживать. Понимаешь, кто-то решил пошутить и напечатать твою фотографию в платье пятидесятых годов девятнадцатого века, выдав ее за подлинный портрет женщины, убившей, наверное, половину своих соседей, если учесть, какая ее постигла судьба. Но шутнику это с рук не сойдет. Кросса и раньше обвиняли в мистификациях. Помнишь, какой шум Лэдборн поднял в «Уорлд». Но сейчас он перешел всякие границы допустимого. И все же скажи честно, кем была эта Мари д'Обрэ? Она твоя родственница?

Мэри встала. Она не выглядела рассерженной или потрясенной. На своего мужа она посмотрела с немой растерянностью и беспокойством. Затем с величественным видом отступила назад. Он никогда прежде не обращал внимания, как быстро менялся цвет ее лица, стоило ей лишь рассмеяться или просто повернуть голову.

– Тед, – начала она, – я стараюсь оставаться серьезной, потому что вижу, как серьезно относишься к этому ты. Значит, некая Мари д'Обрэ, а это, знаешь ли, довольно распространенные имя и фамилия, давным-давно убивала людей. И ты решил, что я – это она или она – это я. И теперь изображаешь из себя великого инквизитора. Если я и есть Мари д'Обрэ, – она

оглянулась и посмотрела на себя в зеркало, которое висело на стене у нее за спиной, и в это мгновение Стивенсу показалось, что с зеркалом что-то не так. – Так вот, если я и есть та Мари д'Обрэ, готов ли ты подтвердить, что я прекрасно сохранилась для своих лет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.